

А.А. Князьков

**РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XVIII–НАЧАЛА XX ВВ.
О РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ IX–X ВВ.**

Русско-византийские отношения, история которых восходит к началу IX в. (если не считать контактов с отдельными, не охваченными государственностью племенами восточных славян ранее – о них свидетельствует, к примеру, описание в «Стратегиконе» Маврикия) и продолжалась до XV в., уже более двух веков активно изучаются отечественной и зарубежной наукой. IX-X века в истории этих отношений являются наиболее значимым этапом: именно в этот период контакты двух стран из случайных переросли в организованные, на смену конфликтам пришла система договоров, развитые дипломатические отношения, образование в столицах обоих государств небольших торговых подворий сторон.

Наконец, в конце X в. Киевская Русь преодолела один из самых серьёзных рубежей в своей истории – стала христианской державой¹; огромную роль в этом сыграло византийское влияние, которое не только не сошло на нет после крещения, но и привело к активизации византийского культурного влияния. Русь перенимала религиозную, книжную, юридическую, живописную культуру Византии, взамен предоставляя империи услуги своих воинов, ставших к началу XI в. одними из лучших в Европе.

Однако, несмотря на важность русско-византийских контактов IX-X вв., особенно для становления Древнерусского государства, источниковая база по данной теме относительно скудна и очень противоречива. Это породило обширную и ещё более противоречивую историографию, в которой стремление к научной истине зачастую уступает место патриотическим чувствам исследователей или политической конъюнктуре. Соответственно, произвольно трактуются источники, производится их фильтрация под заранее избранную историографическую концепцию, допускаются искажения текста источников. «Неудобные» исследователю источники объявляются неточными, недостоверными или ангажированными.

Между тем, имеющаяся источниковая база русско-византийских отношений ставит перед исследователями ряд серьёзнейших проблем. Начать следует с того, что первым историкам требовалось вводить в оборот источники и сравнивать их между собой – ведь неточность русских летописей, единственного источника, бывшего у них под рукой изначально, очевидна. Далее, такое сравнение поставило бы ряд серьёзных вопросов. Анализ источников и обоснование каждого из этих вопросов – это предмет для отдельной крупной статьи; вкратце, основные проблемы, которые ставят перед историографией имеющие свидетельства, таковы:

а) Существовали ли контакты Руси и Византии до 860 г.?

б) Как протекал и чем завершился поход 860 г. – поход Аскольда и Дира? Сколько было крещений киевской знати после этого события и как они повлияли на последующее развитие религии на Руси?

в) Имел ли место поход Олега в 907 г. и договор 907 г.? Если нет, то чем объяснить равноправный и повышающий международный авторитет Руси договор 911 г.?

¹ Едва ли правомерно будет говорить, что Русь христианизировалась при патриархе Фотии, который, действительно, сыграл непосредственную роль в крещении какой-то части русской правящей знати времён, которые по летописной традиции принято связывать с именами Аскольда и Дира. Вместе со сменой династии, по крайней мере, правящие круги Киева безусловно отошли от христианства. Сведения о крещении Аскольда даже не попали в первые летописи; вновь найдены они были уже религиозно-ориентированными летописцами XVI в.

d) Чем был вызван и чем завершился поход Игоря 941 г.? Имел ли место «реванш» 944 г. и, если нет, как объяснить ещё один взаимовыгодный договор 945 г.?

e) Когда приезжала в Константинополь Ольга, там ли она крестилась? Если нет, оказало ли её крещение какое-либо влияние на внешнюю политику Руси?

f) Как развивались события вокруг византийско-русско-болгарской войны 967-971 гг.? Если доверять сообщению Льва Диакона, писавшего вскоре после этих событий, как объяснить ещё один взаимовыгодный договор 971 г.?

g) Как развивались русско-византийские отношения во времена Ярополка, а также в другие периоды мира между двумя государствами (911-943 гг., 945-966 гг.)? Чем объяснить ничтожное количество войн за целое столетие между двумя государствами, чьи интересы непрерывно сталкивались?

h) Происходили ли серьезные контакты Владимира и Византии до 988 г., например, визит «философа» и ответное посольство, изучавшее православную веру?

i) Что произошло в 987-990 гг.? Имели ли место поход на Херсон, крещение Владимира в Херсоне, женитьба Владимира и Анны, военная помощь Владимира Василию II в подавлении мятежа? Как связаны между собой эти события?

j) Существовала ли последовательная стратегия Византии в отношении Руси и Руси в отношении Византии, или связи двух стран носили случайный характер?

В данной статье предпринята попытка анализа существующей историографической базы русско-византийских отношений и её систематизации, начиная с периода возникновения отечественной историографии как таковой. Итогом такого рассмотрения должны стать выводы относительного того, на какие вопросы из числа тех, что логически следуют из источников, представители дореволюционной историографии смогли ответить, а какие остались нерешёнными.

1. Историография XVIII – первой половины XIX вв.

Сложно провести грань, отделяющую русскую летописную традицию от исторической науки; последние летописи писались параллельно с появлением того, что считается «полноценными» историческими трудами. «История Российская» Василия Никитича Татищева (законченная около 1739 г.) вобрала в себя множество летописных традиций. Тем не менее, в первой части труда проводится уникальное для своего времени аналитическое рассмотрение вопросов древнейшей истории Руси по пунктам: язык, религия, источниковая база и т.д.; В.Н. Татищев подробно останавливается на самом загадочном своём источнике – «Иоакимовской летописи», о «сведениях» которой следует сказать особо.

Общепринят в отношении труда В.Н. Татищева термин «татищевские известия» - факты, присутствующие в его труде и отсутствующие ещё где-либо [16, с. 101], достоверность которых принято оспаривать². Часть таких известий В.Н. Татищев приписывает «летописи Иоакима», якобы написанной первым новгородским епископом Иоакимом Корсунянином (ум. в 1030) [19, 1, с. 51]. О русско-византийских отношениях Иоакимовская летопись даёт целый ряд новых сведений, тем более ценных, если считать её написанной их современником. Развитие этих отношений в Иоакимовской летописи описано следующим образом:

- Князя Дира не было; поход на Константинополь, известный по всем остальным русским летописям как поход Аскольда и Дира, совершает только Аскольд и оказывается разбит бурей, как и в ПВЛ [19, 1, с. 55]. Далее пропущено два листа; следующая сохранившаяся страница начинается со слов о Михаиле, идущем на болгар (очевидно, имеется в виду Михаил III, но

² Так, критическое отношение к ним высказывает Б.А. Рыбаков [16]. Существует, впрочем, и точка зрения о полной последовательной фальсификации Татищевым всех известий, которая, однако, может показаться слишком тенденциозной: тем не менее, её отстаивает в своей монографии на эту тему А.П. Толочко [4].

Татищев почему-то считает, что это митрополит Михаил, и на этом строит свою догадку о содержании пропущенных страниц – на них могли быть сведения о крещении Аскольда).

- Олег *«ходил воевать на греков морем и принудил тех мир купить»* - без подробностей.
- Судя по всему, о походе Игоря на Константинополь в летописи говорится в соответствии с ПВЛ (такие места Татищев опускает, перечисляя, о чём они).
- Ольга *«научена бывши от пресвитеров, бывших в Киеве, вере Христове, но крещения народа ради принять не могла. Сего ради пошла... ко Цареграду и, приняв там крещение, со многими дарами и честью от царя возвратилась в Киев»*. Ольга уговаривает Святослава принять крещение, но тот отказывается и, напротив, казнит многих крестившихся по её примеру вельмож.

• После смерти Ольги в Переяславце Святослав воюет, *«не единожды побеждая»*, но постепенно теряя всё своё войско. Своё поражение он сваливает на христиан, бывших с ним в войске, убивает даже своего крещёного брата Глеба; в итоге христиане возвращаются-таки домой, а Святослав с ближайшим окружением, идя в Киев с намерением *«всех христиан изгубить»*, погибает от рук печенегов – *«так вот и принял казнь от Бога»* [19, 1, с. 57].

• Владимир принимает крещение после того, как идёт на болгар: *«принял крещение сам, и сыновья его, и всю землю Русскую крестил»*. Болгарский царь Симеон даёт Владимиру священников и книги; Владимир посылает в Константинополь с просьбой о митрополите, те присылают Михаила со священниками. (Кроме того, Татищев додумывает, что Анна, вероятно, была болгарской принцессой [19, 1, с. 69]).

Вопрос подлинности Иоакимовской летописи вызывает разногласия. Подделка её самим В.Н. Татищевым представляется маловероятной просто из соображений здравого смысла: кажется маловероятным, чтобы историк-энтузиаст был настолько изощрён, чтобы без серьёзных на то оснований полностью сфабриковать историю попадания рукописи к нему в руки и мелочи, встречающиеся в его пересказе, вроде *«житие Владимирово описано со многими пирами и веселиями, которые нас не интересуют»*. Тем не менее, принадлежность сведений митрополиту Иоакиму также кажется спорной. Иоаким прибыл из Корсуня в 989 г. [15, с. 72] и, значит, должен быть осведомлён о событиях войны 970-971 гг. на том же уровне, что и его современник Лев Диакон: он мог знать о них хуже, но едва ли мог быть осведомлён о победах Святослава, которых в действительности не было, согласно обстоятельному византийскому историку. Репрессии против христиан при жизни Ольги также выглядят сомнительно; да и антихристианская агрессия, если она играла столь важную роль на финальном этапе войны, должна была отразиться в подробных историях, написанных о ней. Разумеется, традиция *«былины о победоносном Святославе»* (отражённая в ПВЛ) могла сложиться уже тогда, и Иоаким мог её механически вписать (ведь спорные 907 и 945 гг. у него соответствуют ПВЛ); но тогда вряд ли он сам бы сочинил совершенно другую и столь же сомнительную концовку.

Все сведения Иоакимовской летописи о русско-византийских отношениях так или иначе связаны с христианством на Руси и преуменьшением роли Византии в его распространении. Крещение Аскольда, впрочем, домыслено туда Татищевым; однако, по летописи, Ольга крестится в Киеве, а не в Константинополе; Святослав репрессирует христиан и получает по заслугам; упоминается (без связи с Византией) о христианских симпатиях Ярополка - *«сам не крестился народа ради, но никому не запрещал»* [19, 1, с. 57] (Татищев позже от себя додумывает: *«Ярополка склонность к христианству – причина гибели его»* [19, 1, с. 68]³); Владимир также крестится самостоятельно без участия Константинополя. По отдельности эти сообщения могут быть правдивы и даже могут кое-что дополнять к сведениям известных нам источников – но все вместе они слишком откровенно следуют одной и той же тенденции. Следует вспомнить, что в известной Никоновской летописи XVI в. уже отчётливо

³ Существует точка зрения о христианстве Ярополка, которая, однако, не подтверждается ни одним источником и служит предметом исключительно для некоторых научных реконструкций, например, таковой, проведённой А.В. Назаренко и М.Ю. Брайчевским.

прослеживаются про-христианские тенденции – более того, её анализ позволяет утверждать, что летописец провёл серьёзную работу, чтобы дополнить привычные сведения из ПВЛ подробностями о раннем русском христианстве. Таким образом, очень сомнительно, что Иоаким – автор приписываемого ему труда; более вероятно, что летопись создана в XVI-XVIII вв. и, таким образом, является подделкой. Однако, сведения «Иоакима» нельзя полностью отрицать: составитель Никоновской летописи благодаря стоявшей перед ним задаче разыскал ряд ценных малоизвестных фактов, и «Иоаким» вполне мог поступить так же. Лишь некоторые (о Святославе, Ярополке) выглядят откровенной фальшивкой.

Помимо пересказа Иоакимовской летописи, В. Н. Татищев, естественно, обращается к русско-византийским отношениям самостоятельно как в первой (вводной), так и второй (летописной с примечаниями) частях работы. Он вводит в оборот немалое количество иностранных источников, указывая их данные в примечаниях, это – итальянский историк XVI в. Цезарь Бароний, окружное послание Фотия [19, 1, с. 50], Георгий Кедрин, Иоанн Зонара, Лев Грамматик [19, 2, с. 584], Лиутпранд Кремонский [19, 2, с. 599], Титмар Мерзебургский [19, 2, с. 621]. Подход к источникам у Татищева бессистемен: он часто даёт противоречивую информацию, не делая из неё определённых выводов [19, 1, с. 50; 2, с. 606], иногда пытается анализировать, причём делая верные и тонкие выводы [19, 2, с. 594; 2, с. 612-613]; иногда замалчивает данные источников (демонстрирует знакомство с Кедриним, однако, не приводит никаких альтернативных версий похода Святослава, давая единственную альтернативную версию в описании конца похода по Зонаре и Баронию [19, 2, с. 609]). Что касается собственно пересказа текста летописи, которым, в основном, является вторая часть «Истории», Татищев в ряде случаев считает нужным вносить свои изменения в этот текст. Это: корректировки по «Иоакиму» (непоследовательные – дана корректировка по крещению Ольги [19, 2, с. 39], но нет данных об антихристианстве Святослава); уточнения для усиления логичности текста⁴: «и потом продолжилось рассуждение к совершённому исполнению чрез целый год... Владимир положил намерение летом идти на Корсунь и там просить у царя в жену себе сестру их» [19, 2, с. 51]; корректировки с морализаторской целью (убраны описания жестоких казней, резкости в поведении князей, к некоторым статьям добавлены поучительные подзаголовки); дополнения без приведённого источника (так, под 967 годом Татищев дополняет сведения о захвате болгар, описывая военный манёвр у Днестра, позволивший Святославу победить; кроме того, в начале войны встречаются ещё два неожиданных сведения – Святослав уходит из Киева в 971 г., и перед взятием Переяславца болгарский флот нейтрализует воеводу Волк [19, 2, с. 35-41]). Есть даже один случай, когда Татищев искажает летопись, неверно её переписав: вместо «четырёх коней», которых Владимир вывозит из Херсона, прочитав «иконы», Татищев повторяет, что «иконы» «ныне стоят за святою Богородицею», но опускает летописное «невежды думают, что они мраморные», так как это вряд ли возможно с иконами [13, с. 189; 18, 2, с. 54].

Труд Татищева, безусловно, стал во многих отношениях серьёзным шагом в развитии отечественной историографии и подходе к анализу летописной истории. Тем не менее, у Татищева есть вполне определённые взгляды на «правильное» изложение истории, из-за которых описание, в частности, русско-византийских отношений IX-X вв. подвергается искажениям: помимо «морализаторских» и «логических» правок, Татищев сознательно

⁴ Так, при пересказе событий 941 г. Татищев вместо «10000 кораблей» пишет «войско великое»; в текст вводятся объяснения (что такое фара, что такое греческий огонь и для чего он использовался); при описании договора 945 г. додумывается «история создания» - то, как император опирался на предшествующий договор с Олегом. Также: ср. летописное «и сказал Владимир гражданам: если не сдадитесь, то простою и три года» [13, с. 186] и татищевское «и послал Владимир ко гражданам объявить, чтобы город отдали, обещая их всех помиловать; а если не отдадутся, не явить никакой милости и не отступить от града хоть три года, пока не возьмёт»; это не единственная подобная длиннота. Также, при описании начала событий 988 г. Татищев додумывает отсутствующую в летописях связку между решением креститься «где любо» и походом на Корсунь.

замалчивает известные ему жестокости росов и неудачи Святослава. Тем не менее, количество введённых в оборот источников и сравнительная (по сравнению с летописями) упорядоченность изложения делает труд В.Н. Татищева очень важным для историографии русско-византийских отношений.

Подход М. В. Ломоносова, чья работа посвящена ранней истории Руси, выглядит куда более примитивным. Ломоносов сразу же признаёт, что опирается на данные «*достоверных наших летописателей*» [12, ч. 1, гл. 1-3], в основном, Нестора, и преданно им следует; его мнение о правлении на Руси (необходимость сильного правителя), в целом, совпадало с татищевским, но взгляд на историю был ещё более упрощённым⁵. Несколько раз за свою «Историю» Ломоносов, однако, демонстрирует критическое отношение к летописи, комментируя и дополняя её. Кратко рассказывая (гл. 5), как Ольга крестилась в Константинополе, он признаёт легенду о сватовстве императора «*маловероятным обстоятельством*» [12, ч. 2, гл. 5-6], хотя и делает чуть позже странный вывод о сватовстве императора – «*то учинено было Ольге в насмешку*». Второй, более ценный для историографии случай, - обращение к греческим источникам о походе Святослава (также в гл. 5); Ломоносов пересказывает версию событий из Скилицы (взятую из имевшего тогда большее хождение Кедрина, на которого автор прямо ссылается). Тем не менее, Ломоносов корректирует эти сведения по Нестору (рассказ об обмане греков с целью узнать численность войска Святослава; численность войска Иоанна Цимисхия – летописные 100 тыс., речь Святослава «Когда голова моя ляжет» и т. д.) Пересказав историю выбора веры Владимиром, Ломоносов дополняет её сведениями из редкого источника – «*Андрея Вышоваты*»⁶ о «*половчанине Иване Смираме*», который совершил путешествие, крестился в Александрии и оттуда написал Владимиру письмо о пользе крещения [12, ч. 2, гл. 7-8]. На источники – Кедрина, Сборный Временник – Ломоносов ссылается бессистемно и нерегулярно; можно заметить, что также он пользовался какими-то хронографами [12, ч. 2, гл. 1-4]. Можно заключить, что роль Ломоносова в изучении русско-византийских отношений невелика; его главное достижение – введение в русскую историографию сведений византийцев о походе Святослава, которые В. Н. Татищев сознательно замолчал из патриотических соображений.

Труд М. М. Щербатова «История Российская от древнейших времён» был написан ненамного позже ломоносовского; однако, он куда серьёзнее подходит к использованию источников, осмыслению исторических процессов. В том, что касается русско-византийских отношений, он, впрочем, в лучшем случае пытается уточнять некоторые мелкие детали. К примеру, считая, что «*некоторым удивительно покажется, зачем Олег... употребил толикой труд, чтобы влечь за собой суда*», он обосновывает это тем, что древние воинства в любом случае вытаскивали свои суда на сушу, выходя на берег [25, с. 202-203]; кроме того, Щербатов высчитывает точное количество воинов и, соответственно, сумму дани (960000 гривен) и пытается уточнять другие детали. Чуть больше самостоятельности проявляет Щербатов при обсуждении посольства Ольги. Сравнивая источники между собой и стремясь увидеть в них отражение реальных исторических фактов, Щербатов делает выводы, что сватовство императора имело место с политическими целями («*политические виды, которые, конечно, могут и престарелому лицу красоту придать*»), и что посольство латинян провалилось из-за противодействия со стороны Константинополя. При пересказе летописной версии походов Святослава Щербатов привлекает взятые, как обычно, из пересказов в исторических книгах детали из греческих источников - например, посольство Калокира, пленение царя Петра,

⁵ События похода Аскольда и Дира (гл. 1), похода Олега (гл. 2), походов Игоря (в гл. 3), убийства варягов (гл. 7), выбора веры (гл. 8), похода на Херсон (гл. 8) пересказываются по ПВЛ; единственное, что делает Ломоносов, - уточняет даты в переводе на современное летоисчисление, опираясь на ПВЛ и (иногда) греческие данные. Как и Татищев, Ломоносов видит в летописи связь между «выбором веры» и походом в Корсунь, на которую там прямо не указывается (гл. 8).

⁶ На самом деле это комментарии к «*Nucleus historiae ecclesiasticae Christophori Sandi*» - «Ядру церковной истории Христофора Занда», где рассказана история о письмах Владимиру о вере половчанина Ивана Смера. Легенда о Иване Смере поддерживалась поляками в средневековье.

углубляясь в типичном для себя стиле в мелкие детали [25, с. 226-237], однако, делая вывод о справедливости византийской, а не русской версии событий [25, с. 235]. Позиция М. М. Щербатова по отношению к крещению Руси восторженная, и описывается оно по столь же восторженной Никоновской летописи [25, с. 259-263]. Труд Щербатова может быть охарактеризован как ценная для историографии, но не слишком удачная попытка ввести более последовательную методологию в исследование Древней Руси и русско-византийских отношений в частности.

«История государства Российского» Н. М. Карамзина, как известно, сыграла серьёзную роль в просвещении российского общества и популяризации летописной истории. Тем не менее, позиции, с которых Карамзин смотрел на исторический процесс, мало чем отличаются от ломоносовских: по сути, его событийная линия – такая же история цепочки правителей. Все веки русско-византийских отношений Карамзин разбирает обстоятельно, с привлечением иностранных данных и попыткой найти причинно-следственные связи в летописных событиях. Так, об Аскольде и Дире он предполагает, что первоначально они пошли в Константинополь, чтобы «служить императору»; мысль о войне пришла им в голову после захвата Киева. Со ссылкой на Окружное послание Фотия, труды Константина Багрянородного Карамзин пишет о крещении росов [9, гл. 4]. Описывая княжение Олега, Карамзин предполагает: «Вероятно, что сношение между Константинополем и Киевом не прерывалось со времен Аскольда и Диры»; он использует византийские данные о русских отрядах в византийской армии, предполагает наличие религиозной пропаганды. Описывая поход, Н. М. Карамзин выявляет в летописи непонятные места, постоянно обращается к византийским источникам с целью полноты картины⁷. Тем не менее, условный рассказ летописи служит Карамзину поводом для прорусских выводов: если византийцы действительно пытались отравить князя, то «не Россиян, а Греков должно назвать истинными варварами X века». Приводя текст договора 911 г., Карамзин делает вывод о сравнительно высоком культурном уровне людей, его заключивших (аналогична и оценка 944 г.) [9, гл. 5-6]. Найдя у Лиутпранда свидетельство очевидца о казни воинов с Руси, он морализирует: «варварство ужасное! Греки, изнеженные роскошью, боялись опасностей, а не злодейства» (жестокости войска Игоря он, как и Татищев, упоминает вскользь и оставляет без подобных комментариев). При описании визита Ольги Карамзин впервые в русской историографии обращается к трактату «О церемониях» Константина Багрянородного; в сватовство императора он не верит; из истории о грубости Ольги по отношению к послам делает вывод, что приёмом она осталась почему-то недовольна [9, гл. 7].

Святославом Н. М. Карамзин восхищается, ещё в предисловии обозначая его войны как одно из замечательнейших явлений русской истории. Тем не менее, Карамзин склонен доверять более византийской, нежели русской истории похода 970-971 гг., «предпочитая истину народному самохвальству», и отмечает несообразность успехов князя с результатами войны в летописной версии и обстоятельность, подробность греческих описаний. Хотя Н. М. Карамзин не упоминает имени Льва Дякона, детали его рассказа (история переговоров Святослава с Цимисхием, количество императорских войск и т. д.), безусловно, свидетельствуют о знакомстве с этим источником – впервые в отечественной историографии; при этом, он использовал и Скилицу-Кедрина⁸. В нападении печенегов и гибели Святослава Н. М. Карамзин винит византийцев, которые, как он предполагает, их предупредили, ведь «тогдашняя политика Императоров не знала великодушия» [9, гл. 7]. В историю о «выборе веры» Карамзин верит, полагая, что летописцы писали вскоре после того, как происходили эти события; кроме того, посольства к грекам и католикам подтверждаются «известиями одной Греческой древней рукописи» (?). Он пересказывает события взятия Херсона и крещения по летописи, пытаясь,

⁷ Присутствуют и попытки реалистичного объяснения легендарных моментов: корабли идут по суше - войны просто тащили корабли, а не вели их на колёсах под парусом.

⁸ Например, оттуда взят афоризм императора о склонности византийцев к благодеяниям.

однако, придать действиям обеих сторон логичности: согласие на брак со стороны императоров он объясняет их надеждами на помощь Владимира в борьбе с мятежом [9, гл. 9].

Таким образом, к описанию Н. М. Карамзиным русско-византийских отношений IX-X вв. можно отнести двояко. С одной стороны, он выступает с куда менее прогрессивных позиций, чем М. М. Щербатов, всегда стремясь, прежде всего, оценить личность князя; но он обладает безусловным талантом историка и рассказчика, не отвлекаясь на детали и не следуя слепо за летописью, а обращаясь к иностранным источникам, в том числе, неизвестным ранее. Труд Н. М. Карамзина завершил важный этап отечественной историографии.

Незаконченная⁹ «История русского народа» Николая Алексеевича Полевого была попыткой найти альтернативный подход к русской истории по сравнению с Карамзиным, с учётом огромной популярности последнего; вообще, всех своих главных предшественников Н. А. Полевой довольно зло и язвительно критикует [14, гл. 31-35], особняком ставя Карамзина, которого выделяет благодаря «уму, знаниям, просвещению», но критикуя за то, что тот писал историю «государей, а не государства, не народа» [14, гл. 35-36]. Византию времён IX-X вв. Н. А. Полевой полагает слабым, сокрушённым варварами, опустившимся по сравнению с античными временами, терпящим культурный упадок государством, ориентируясь на Гиббона; он взирает на неё и её правителей явно свысока¹⁰. Ключевым вектором византийской политики Полевой считает опору на варваров: он уточняет, что состав византийской армии и её внешняя политика (сталкивание соседей между собой) служат тому доказательством [14, гл. 86]. Тем не менее, подход Полевого позволяет ему иногда давать очень меткие характеристики. Зная о событиях 860 г. только по искажённым сведениям летописи, он догадывается, что действительной причиной отступления Аскольда и Дира была малочисленность и неорганизованность их армии [14, гл. 91-92]. Впервые в русской историографии он критически подходит к летописному рассказу о походе 907 г., видя его связь с фольклором – скандинавскими поэмами, античным эпосом [14, гл. 116], и задавая прямой вопрос: «Точно ли совершил Олег поход сей?». Вывод Полевого довольно логичен – не имея возможности полностью отвергать факт похода, он в нём сомневается, не сомневаясь, впрочем, в подлинности договора 911 г. [14, гл. 118-119] Автор пытается искать связи между сообщениями летописей и Константина Багрянородного о приёме Ольги, отмечая в описании императора детали, которые могли привести к отражённому в летописи недовольству княгини [14, гл. 159-160]; о сватовстве императора он упоминает вскользь как о «сказке». Описывая походы Святослава, он впервые в русской историографии прямо ссылается на Льва Диакона [14, гл. 169] и более подробно, чем Н. М. Карамзин, использует его данные. Пытаясь обосновать поход на Херсон, Н. А. Полевой решает, что Владимир впервые попросил руки Анны ещё до этого, и пошёл в поход вследствие отказа [14, гл. 218]. Кроме того, Полевой не ограничивает себя летописными данными, привлекая данные по службе росов в византийской армии и ранней торговле двух государств [14, гл. 93, 142], по размеру и организации русского флота [14, гл. 120-121]. Он подробно анализирует русско-византийские договоры, историю постепенной христианизации Руси [14, гл. 136-137, 241-242].

Таким образом, в описании русско-византийских отношений Н. А. Полевой, уступая своему оппоненту Н. М. Карамзину в лёгкости изложения, куда в большей степени может претендовать на звание учёного, аккуратно проставляя ссылки и прорабатывая обширный материал.

Помимо работ В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина и Н. А. Полевого, чьё влияние на историографию России общеизвестно, до С. М. Соловьёва были и другие русские авторы, пытавшиеся писать об отечественной истории. Н. А. Полевой в историографическом обзоре приводит ряд прочно забытых к настоящему моменту имён – Эмин,

⁹ За 1829-1833 гг. было написано 6 томов из планировавшихся 12-ти.

¹⁰ Так, Михаила III он называет малодушным, безумным, развратным; Никифора Фоку – скупым, суровым, нелюбимым двором. Впрочем, Константину Багрянородному и Иоанну Цимисхию даются позитивные характеристики.

Нехачин, Елагин, Глинка – с уничтожительными характеристиками их работ. Для полнейшего понимания русской историографии этого периода следует остановиться на нескольких работах, в чём-то важных или типичных для своего времени.

А. Я. Хилков. Полевой называет Андрея Яковлевича Хилкова в качестве первого из русских историков [14, гл. 31] – тот работал в начале XVIII в. и умер в 1718 г.; его «Ядро российской истории» было издано в 1770 г. Г. Ф. Миллером, после чего несколько раз переиздавалось. Хилков пользовался в основном шведскими и польскими историческими трудами (он служил послом в Швеции), а также, естественно, опирался на летописи. Русско-византийские отношения описываются им вкратце и с искажениями (по сравнению с летописями): так, в эпизоде с Аскольдом и Диром молится и окунает в море ризу почему-то патриарх Сергей [22, с. 28-29]; поход 944 г. не упоминается [22, с. 34-35]; крещение Ольги связывается, как в житиях, с Иоанном Цимисхием [22, с. 38]; взятие Херсона относится к 987 г. [22, с. 46] и так далее. Тем не менее, Хилков уже делает попытки что-то трактовать (например, рассказывая о сватовстве императора к Ольге, делает отступление о роли династических браков в мировой истории); да и сама идея сделать «выжимку» главного из русской истории имеет для историографии ценность.

И. М. Стриттер (Штриттер) издал несколько крупных работ по российской истории: это свод «Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времён» в четырёх томах (1770-1775) [7], и трёхтомная история России (1800-1803). Полевой утверждает, что собственная история Стриттера «не имела достоинств даже верной летописи» [14, с. 31]. Куда интереснее другое издание: многотомный свод византийских источников по истории Руси. Он хоть и чрезвычайно (если судить с современной точки зрения) неполон, но является первым опытом такого рода, полноценного аналога которому нет до сих пор. Во вступлении к «росско-варяжскому» тому Стриттер пишет о том, что целый ряд сведений не находит аналогов в русских летописях, в первую очередь, свидетельства о службе росов в византийской армии [7, с. 2-3]. Имея в распоряжении, в основном, однобокую традицию хронистов¹¹, переписывавших друг у друга одно и то же, Стриттер во введении, тем не менее, пытается обрисовать картину именно русско-византийских связей исключительно по византийским данным [7, с. 7-12] – впервые в русской историографии.

Деяний церковных и гражданских, от рождества Христова до половины пятого на десять столетия. Это издание вышло в свет в 1794 г. в Петербурге и было переиздано в 1802 году в Москве [5]. Оно имело определённое хождение в дворянских кругах; видимо, из подобного рода литературы и черпались сведения о русской истории вплоть до выхода популярной истории Н. М. Карамзина. Открываясь фразой «*Георгия Кедрина история...*», этот труд представляет собой, по большому счёту, перевод-пересказ исторической хроники Георгия Кедрина и живших после него византийских историков (без указания, где заканчиваются сведения одного из них и начинается перевод другого). Здесь пересказываются, помимо прочего, истории о приходе «скифского народа» при Фотии и последующем его крещении, о крещении Ольги (очень коротко) и, наиболее подробно (как и у Кедрина), - о войне со Святославом. В последнем сюжете присутствует редкое проявление «самостоятельности» составителя – говоря о городе Переяславе, сочинитель делает примечание, что «*здесь Переяслав назван, сообразно с греческим подлинником; у других писателей именуется сей град Переяславец, как-то у г. Ломоносова в «Российской истории»*». Однако же, продемонстрировав своё знакомство (через М. В. Ломоносова) с летописной версией военных действий, в дальнейшем автор продолжает пересказывать Кедрина. То, что уже после появления работ В. Н. Татищева и М. М. Щербатова подобные хаотичные и грубые труды имели большее хождение, лишний раз свидетельствует о важности просветительской роли «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

¹¹ Стриттер приводит сведения следующих авторов: Лев Грамматик; Аноним Бандури; Константин Багрянородный; Продолжатель Феофана; Георгий Кедрин; Георгий Амартол; Иоанн Скилица; Иоанн Зонара; Симеон Логофет; Иоанн Киннам; Георгий Акрополит; Никита Хониат; Георгий Пахимер; Никифор Григора; Иоанн Кантакузин; Михаил Глика; Кодин; Дука; Лаоник Халкокондил.

Таким образом, отталкиваясь от поднятых в начале данной работы вопросов, можно заключить, что русская историография вплоть до второй половины XIX в. не решила ни одного из них. Все историки, включая самых талантливых и старательных, продолжали придерживаться в большей или меньшей степени пересказа летописной истории – иногда уточняя какие-то детали или предпринимая робкие попытки подвести их под концепцию, ограничивающиеся, впрочем, больше предположениями о тех или иных векторах, чем упорядочения всех имеющихся данных в рамках единой концепции, что не удалось даже самому талантливому аналитику этой эпохи Н.А. Полевому. Историография рассмотренного периода подарила учёным последующих десятилетий базовую историографию и подняла некоторые простейшие вопросы, вроде достоверности похода 907 г., которые, тем не менее, не были решены удовлетворительным образом.

2. Российская историография 2 половины XIX – начала XX вв.

Поворотным пунктом в развитии русской историографии в целом стала «История России» Сергея Михайловича Соловьёва. Скрупулёзность и серьёзность авторского подхода, обстоятельность работы¹² были уникальны по сравнению с подходом всех предшествовавших авторов. Каждое из известных событий русско-византийских контактов С. М. Соловьёв анализирует дотошно. Он подробно рассматривает причины похода Аскольда и Дира, делая из условного, по его мнению, рассказа летописи выводы о заселении и этническом составе населения всех основных регионов тогдашней Руси. Впрочем, учёный не знаком со всей источниковой базой – ему неизвестны свидетельства очевидца событий патриарха Фотия, а доступна только амартоловская версия событий 866 г. [18, 1, гл. 5]. Этнический вопрос интересует Соловьёва и в отношении похода 907 г.: не интересуясь сравнением источников и возникающими вследствие этого вопросами о достоверности похода, он критикует летопись в другом смысле – *«историк не имеет обязанности принимать буквально этот счет, для него важен только тон предания... из которого видно, что предприятие было совершено соединенными силами всех племен, подвластных Руси, северных и южных, а не было набегом варяжской шайки»* [18, 1, гл. 5]. Аналогичен подход Соловьёва и в других случаях: он пользуется самыми ходовыми летописными сведениями и иностранными источниками [18, 1, гл. 6], вскользь упоминая ценность летописи для характеристики народного представления о той или иной личности или пытаясь мотивировать основные события, не очень, впрочем, глубоко¹³. Можно подытожить, что достоинства С. М. Соловьёва как скрупулёзного историка при рассмотрении русско-византийских отношений проявились в детальном рассмотрении этнических и географических проблем (например, говоря о войнах Святослава, Соловьёв ни на чём не останавливается столь подробно, как на географическом положении Переяславца и его роли; при анализе выбора вер также концентрируется на геополитических преимуществах той или иной религии [18, 1, гл. 7]). В остальном охват источников, как и трактовки основных летописных сведений, у Соловьёва неглубок; однако не стоит забывать о просветительской роли его «Истории», в которой подобный критический, но поверхностный подход был даже необходим.

Наиболее авторитетным оппонентом-современником С. М. Соловьёва был Николай Иванович Костомаров; не написав полной русской истории, он, тем не менее, затронул русско-византийские отношения, в частности, в работе «Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей» (ок. 1872). К летописям Костомаров, сторонник «истории народа» и критического взгляда на источники, подходил скептически: *«наши первые летописцы... не*

¹² Труд издавался в течение более чем двух десятилетий, с 1851 по 1879 г., а писался около 30-ти.

¹³ Хотя есть и свежие мысли: к примеру, Соловьёв предполагает, что искажённый летописный рассказ о походе Святослава сложился *«на рассказах Свенельда и немногих товарищей его, возвратившихся в Киев после гибели Святославовой»*.

имели других источников, кроме изустных народных преданий, которые, по своему свойству, подвергались вымыслам и изменениям» [11, гл. 1]. Рассматривая предпосылки возникновения русского христианства, он определяет роль контактов с Византией как полезную, «образовательную». Вместе с приходом христианства и именно благодаря Византии «перешли к нам как понятия юридические и государственные, так и начала умственной и литературной деятельности». Легенду о принятии христианства Костомаров безусловно считает «баснословной»: «достоверно только то, что Владимир крестился и в то же время вступил в брак с греческою царевною Анной, сестрою императоров: Василия и Константина» [11, гл. 1]. «По всем вероятностям» он заключает, что крещение произошло в Херсоне. Костомаров – один из первых учёных, занявших в рассматриваемом вопросе провизантийскую позицию.

По масштабам роли в русской историографии рядом с С. М. Соловьёвым, в первую очередь, можно поставить Василия Осиповича Ключевского, чей «Полный курс русской истории», проникнутый социологическим подходом, издавался по более ранним наброскам с 1904 г. Ключевский серьёзно подходит к источникам: главными среди иностранных он справедливо называет Фотия, Константина Багрянородного, Льва Диакона, скандинавские саги (новшество), а также арабов [10, гл. 90]; анализ летописей также чрезвычайно глубок, начиная с поисков источников летописных сведений и заканчивая классификацией сведений по стилистике (например, Ключевский особо выделяет рассказ о крещении Руси, отмечая его «полемической» проправославный характер, и даже датирует его началом XII в. на основании деталей, встречающихся в тексте [10, гл. 98]). Подход Ключевского к описанию событий ранней княжеской истории Руси также отличается новаторством. Он не пересказывает летопись в соответствии с последовательностью княжений, что механически повторил за всеми своими предшественниками С. М. Соловьёв, но подытоживает летописные данные, делая выжимку необходимых фактов: количество столкновений, основные мотивы (которые, по Ключевскому, сформировались в неизменном виде вместе с первым же набегом Аскольда и Дира [10, гл. 167-168]). Основной мотивацией походов, по Ключевскому, была торговля; как итог, он описывает своё видение торговых отношений Руси и Византии в X-XI вв., в основном, опираясь на сохранившиеся в летописях договоры [10, гл. 168-169]. Особо он отмечает роль договоров как памятников раннего русского права, хотя и с сильным византийским влиянием (которое также анализируется с привлечением примеров из разных договоров и филологического анализа). Даже останавливаясь на русско-византийских отношениях довольно бегло, В. О. Ключевский всё равно выглядит в их рассмотрении выдающимся новатором; да и в целом его труд создал куда более полную картину жизни и развития ранней княжеской Руси, чем это удалось кому-либо из его предшественников.

Труд М. С. Грушевского «История України-Руси» (законченный около 1895 г.) в советской историографии было принято считать ещё более реакционным образцом проукраинской историографии, чем вышедшие чуть раньше работы Н. И. Костомарова. Грушевский целенаправленно писал историю именно Украины и приурочил её создание к «столетию национального возрождения» [4]. Помимо главного проукраинского вектора, для М. С. Грушевского характерен весьма критический подход к источникам, в том числе – к ПВЛ. О походе 860 г. он упоминает кратко для демонстрации «комбинаторского» стиля работы русских летописцев, которые переиначили предполагаемую Грушевским историю первой киевской династии Кия-Аскольда-Дира, привязав её к походу, сведения о котором были позаимствованы из византийских источников [4, с. 341-342]. Грушевский хорошо осведомлён об источниках по ранней истории внешней политики Руси, таких, как арабские авторы и византийские жития; он широко оперирует источниками в трактовке русско-византийских столкновений, к примеру, считая, что история о ризе Богородицы применительно к походу 860 г. была позаимствована из легенды об осаде Константинополя аvarами в 626 г. [4, с. 358] На основании данных о ранней дипломатии Руси М. С. Грушевский делает вывод о достаточно широком политическом

кругозоре Руси; инициативу в развитии дипломатии М. С. Грушевский отдаёт византийцам, которые, по его мнению, испугались после нескольких мощных нападений русичей [4, с. 360].

Подход к событиям X в. у Грушевского также весьма конструктивен. Он сомневается в реальности похода 907 г., делая акцент, в первую очередь, на важном договоре 911 г. [4, с. 385-387]; вполне логичной критике он подвергает и летописные сведения о 944 г. [4, с. 393-394]. Тем не менее, в оценке политической ситуации Грушевский, очевидно, склонен преувеличить достижения Руси, представляя её к середине X в. чуть ли не доминирующей и представляющей серьёзную угрозу для положения Византии державой [4, с. 394]. Поход Владимира, как он считает, «имел свои прецеденты», имея в виду, что Русь определённо совершала периодические набеги на интересующие её земли, которые не отразились в источниках по причине своей малозаметности. Подробно учёный анализирует и религиозную политику русичей: упоминает о латинской миссии Ольги, известной по немецким хроникам, предполагая, что она прибегла к этому ходу, не дождавшись ответа от константинопольского патриарха, а позже, получив его, отказалась от услуг латинян [4, с. 405]; отделяет факты русско-византийского конфликта от крещения Владимира, даёт панораму источниковых сведений об этом и приходит к выводу, что, возможно, Владимир крестился до корсунского похода, чтобы поднять свой престиж в глазах византийцев и устранить один из поводов для презрительного к нему отношения [4, с. 444]¹⁴.

Таким образом, несмотря на очевидно прославянскую позицию (М. С. Грушевский подчёркивает силу и дальновидность Руси даже на самых ранних этапах её становления и предполагает инициативу Византии в любом мирном соглашении, вплоть до последнего союза с Владимиром [4, с. 447]), с точки зрения источниковедения и полноты охвата материала о русско-византийской дипломатии работа М. С. Грушевского для XIX века является одной из наиболее серьёзных.

Неоценимую роль в источниковедении истории Руси в целом и, в частности, русско-византийских отношений, сыграли труды Алексея Александровича Шахматова. Прежде всего, ему принадлежит огромная роль в изучении древнерусских летописей, уточнении их датировки и истории их написания; тем не менее, некоторые специальные работы А. А. Шахматова касаются и непосредственно русско-византийской проблематики. Это, в основном, «Корсунская легенда о крещении Владимира»; там учёный, опираясь, в основном, на филологические данные, анализирует летописные статьи о выборе веры и крещении Владимира. Шахматов обращает внимание на компилятивные, по его мнению, склейки в этих летописных фрагментах: например, то, что после долгой и впечатлившей князя беседы с греческим философом он, тем не менее, ещё несколько лет остаётся язычником; то, что диалог князя с боярами о месте крещения («где тебе любо») выглядит бессмысленным; то, что греческий философ в подробной речи не упоминает ряд важных деталей, которые рассказывают Владимиру лишь при крещении (например, предостерегают от латинских «извращений») [23, с. 4-9]. На основании этого Шахматов предполагает летописца компилятором, собравшим воедино несколько рассказов о Владимире и досочинившим упомянутые связи между ними для большей стройности повествования.

А. А. Шахматов предполагает, что у этого рассказа, а также у ряда других его повторений были общие источники, которые он и пытается выявить. Таким источником он считает Древнейший свод [23, с. 23], в котором крещение Владимира, по его мнению, датировалось 987 годом, а взятие Херсона – двумя годами позже (989 годом). Помимо этого, Шахматов предполагает наличие неизвестного источника, сообщившего житию XV в. уникальные детали о походе на Херсон [23, с. 29] и составленного греком [23, с. 36]. Больше того, на основании анализа жития особого состава Шахматов предполагает, что связь между походом и крещением была придумана греческой стороной как демонстрация торжества своей культуры над

¹⁴ Само крещение, как полагает Грушевский, почти наверняка произошло в Киеве; версию с Херсоном он не рассматривает даже в качестве варианта.

языческой [23, с. 59, 74-75, 108]; также он предполагает существование недошедших до нас былин о русско-греческих конфликтах, в частности, о взятии Владимиром Царьграда. На основании своего анализа Шахматов представляет примерно восстановленный изначальный текст того, что он называется «Корсунской легендой»; далёкими отзвуками этой, уже самой по себе малоисторической, легенды он считает, в том числе, и житийную историю о князе Бравлине [23, с. 121-122].

Источниковедческий подход А. А. Шахматова к проблеме событий 980-х гг. был новым для русской историографии: Шахматов анализировал источники, используя возможности филологии, изучая связность текста и дословные пересечения между разными древними трудами. Благодаря этому его трактовка событий вокруг корсунского похода представляется достаточно убедительной, хотя в некоторых деталях и спорной (например, предположение о том, что статью о посольствах к разным верам полностью сочинил летописец, не очень уверенно обоснованное самим учёным [23, с. 93]); впрочем, окончательные выводы А. А. Шахматова всегда касаются, в первую очередь, датировок летописных рассказов, а не уточнения деталей собственно истории. Следует также отметить, что Шахматов опубликовал в составе своего труда тогда малоизвестный текст Жития Владимира особого состава из Плигинского сборника и Сборника Публичной библиотеки – одного из оригинальнейших источников о походе и крещении.

В других работах, посвящённых древнерусским источникам, Шахматов также косвенно касается тех или иных эпизодов русско-византийских отношений. Так, он предполагает, что из рассказа о крещении Ольги в Древнейшем своде содержались только «духовные элементы», то есть, её взаимоотношения с патриархом, а легенда о взаимоотношениях с императором появилась только в Начальном своде [24, с. 86]; кроме того, Шахматов предложил вариант решения проблемы наличия в Начальном своде хронологической путаницы о походах и княжениях Олега и Игоря, предполагая, что это было сделано в угоду *«национальному чувству»*, чтобы поражение предшествовало победе [24, с. 229]. Во всех своих гипотезах он также опирается преимущественно на анализ текстов.

Наряду с А. А. Шахматовым, серьёзнейшим Корсунской легенды был Александр Львович Бертье-Делагард, который прямо полемизировал с подходом Шахматова, указывая на то, что исследователи-филологи не уделили должного внимания военной стороне дела, описанию осады и сравнению летописных данных с археологической и топографической информацией о Херсоне [1, с. 241]. Наибольший интерес у исследователя вызывала сама осада Корсуни, и он пытается дать её реалистичное описание.

Как предполагает учёный, поход Владимира был морским, но осада сухопутной [1, с. 245, 254], войско его составляло около 6-7 тысяч человек [1, с. 246]; он уточняет или предполагает точные места, где базировалось киевское войско, указывает предполагаемые детали военных операций: каким образом Владимир преградил путь поставщикам продовольствия и где это произошло, и согласует их с текстом источников. А. Л. Бертье-Делагард относится к летописи как к достоверному источнику информации, полагая, в отличие от Шахматова, что описание осады слишком логично совпадает с реальными географическими данными Крыма; рассказ об информации на стреле, который принято считать примером «сказочного» в истории об осаде, Бертье-Делагард также считает нормальным и логичным для того времени. *«Все эпизоды осады... действительно случились и записаны очевидцами»* - заключает исследователь [1, с. 276].

Что касается событий, приведших к походу, то Бертье-Делагард поначалу предполагает наличие некоего договора, заключённого около 987 г., между Владимиром и византийцами, предусматривавшего военную помощь и последующий династический брак. Тем не менее, как результат, он наблюдает рассогласование в датировках, вызванное хотя бы тем фактом, что если князь отослал свои отборные силы в Византию, ему надо было бы заново собирать войско для похода на Херсон. Другое предположение, что поход был результатом

возможного сговора русских и греческих властей, автор также рассматривает и признаёт маловероятным [1, с. 285].

Реконструкция, предлагаемая А. А. Бертъе-Делагардом, состоит в следующем: после поражения близ Средца (986 г.) Византия отправляет в Киев посольство, одним из участников которого был летописный «греческий философ»; предложить Владимиру царевну также было греческой инициативой, и вслед за этим в конце 986 г. последовало тайное крещение; в 987 г. Владимир отправил в Византию отряд и лично его повёл. В том же году отправил посольство, тайной целью которого было продолжение переговоров, а официальной – знакомство с верой. Однако, отряд остался без дела в связи с притихшими военными событиями, и его новой целью Владимир назначил Корсунь. Так началась осада, закончившаяся около конца апреля 988 г., когда положение Византии стало весьма напряжённым [1, с. 294]. Таким образом, Владимир выиграл в «обмене заложниками», получив царевну раньше, чем отдал Византии дружину. После этого состоялось второе, явное крещение, бывшее показательным жестом, и не позже июля Владимир ушёл из захваченного города [1, с. 302].

Реконструкция А. Л. Бертъе-Делагарда является одной из самых интересных попыток восстановить картину событий в Херсоне вокруг него в период Крещения Руси. Его предположения об имевших место двух крещениях князя не всегда достаточно основательны, но мотивировки поведения главных действующих лиц хорошо коррелируют с источниками: к примеру, ничтожное число упоминаний о походе в византийских источниках хорошо согласуется с идеей о том, что это был тонкий стратегический ход в русско-византийской дипломатии, которым Владимир хотел не столько заявить о своих претензиях на всю Византию, сколько добиться престижного разрешения давних переговоров. Наряду с филологическим подходом А. А. Шахматова к тем же событиям, А. Л. Бертъе-Делагард предложил новый для того времени историко-археологический.

Ещё одним важным исследованием правления Владимира, причём, сконцентрированным не столько на походе, сколько на факте крещения, следует считать статью «Владимир Святой как политический деятель», опубликованную В. З. Завитневичем во «Владимирском сборнике в память 900-летия крещения Руси» [6]. Прежде всего, подход Завитневича к летописям как к историческому источнику представляется сугубо критическим: он утверждает, что, за вычетом «полной вымысла» повести о крещении Руси, в летописи можно найти лишь несколько голых фактов, на основании которых сложно сделать масштабные выводы о политической деятельности князя [6, с. 2-3]. Подход В. З. Завитневича серьёзно опирается на творческое наследие Н. М. Костомарова, о котором исследователь отзывается с восхищением [6, с. 5].

Начало правления Владимира, и в частности, эпизод со ссылкой варягов в Константинополь обнаруживает, по мнению В. З. Завитневича, «политический такт» князя, в том числе, в отношениях с Византией. Он предполагает, что мысли о принятии христианства зародились у Владимира во время похода на болгарские земли, и первоначально он замыслил принять его от более родственного болгарского (славянского) народа; соответственно, в это же время у князя поменялось отношение к Византии, которая теперь рассматривалась как враг. Через некоторое время после этого от греков были присланы послы, которые соответствуют послам от Василия у Яхьи и летописному греческому философу [6, с. 49-78], и их приход стал реакцией на ранее имевший место приход болгарского посольства, что в искажённом виде (волжско-камские вместо дунайских болгар) также отражено в летописи. Результатом переговоров стал договор, примерно отражённый у Яхьи.

В отношении похода на Херсон и крещения В. З. Завитневич также придерживается критической позиции, отрицая возможность летописных датировок и перебирая возможные версии (в том числе упоминается версия А. И. Соболевского о том, что Владимир основал город Корсунь на Руси [6, с. 101]). Корсунское взятие Завитневич на основании сравнения показаний источников и астрономических данных датирует «после 7 апреля 989 г.» [6, с. 128]. Текст Начальной летописи он называет «изуродованным» вставкой легенды, и считает, что если бы её

не было, он бы вполне логично дополнял все прочие источники. В посольство, направленное для получения сведений о вере, он не верит, считая, что такие же сведения Владимир мог получить от любого купца; в итоге он приходит к выводу, что крещение было совершено «скромно» и, на первых порах, возможно, даже скрывалось от народа. Влияние Византии на Русь после крещения В. З. Завитневич видит как сугубо позитивное – вместе с христианством пришла «целая сумма новых идей и понятий»; кроме того, он подчёркивает ещё до конца не осознанную «серьёзность» связей, соединявших в то время два народа, и восхищается реформаторским талантом Владимира, который «уступая Петру [I] в гениальности, превосходил его в благоразумии» [6, с. 200-208].

Следует отметить, что в качестве источника Завитневич ошибочно, как мы теперь знаем, привлекает так называемую «записку готского топарха», полагая её, вслед за К. Б. Хазе, связанной с походом на Корсунь [6, с. 163-164].

Говоря о досоветской историографии русско-византийских отношений XX в., нельзя не упомянуть еще одну ценную публикацию: в 1920-х годах В. М. Истрин издал «болгарский перевод» хроники Георгия Амартола в трёх томах со справочным материалом [8]. Формально изданный в советское время, по сути, труд Истрина было дополнением и продолжением работ Шахматова, о чём там прямо и говорится, и не имеет никакого отношения к тому историческому курсу, который взяли советские исследователи уже в конце 20-х-30-е гг. Более того, во вступительных словах Истрин прямо говорит о невозможных условиях работы в сложившейся обстановке. Не удивительно, что это издание ничтожно мало использовалось в советской историографии русско-византийских отношений. Помимо самого текста и комментария, Истрин, вслед за Шахматовым, проанализировал летописные заимствования из хроники Амартола [8; 2, с. 309-359], в частности, появление отсчёта лет за счёт связи трёх событий (поход Аскольда – правление Михаила – призвание варягов). Наряду с публикациями В. Г. Васильевского, трёхтомник Истрина – важнейшее достижение в источниковедении русско-византийских связей в начале XX в.

3. Дореволюционная российская византистика

В конце XIX – начале XX вв. в России стала зарождаться византистика; появились обобщающие работы по истории Византии, касающиеся, в том числе, и русско-византийских отношений, но важные и для мировой византистики в целом. Первым автором монографии по общим вопросам истории Византии в России был Ю. А. Кулаковский, чья «История Византии» (изд. 1910-1915 гг.) была доведена только до VI века.

Одним из первых и наиболее важных авторов, работавших над той же тематикой, стал директор Русского археологического института в Константинополе¹⁵ Ф. И. Успенский («История Византийской империи»). Русско-византийским отношениям в «Истории» посвящены три отдельные главы [20, с. 165-175, 362-380, 408-414]. Успенский рассматривает вопросы, касающиеся самой Руси и её состояния, упоминает норманнский вопрос и «не без сожаления» становится на сторону норманистов, уделяя немалое внимание этническим определениям Руси в русских и византийских текстах. При этом, он вводит в оборот несколько новых редких источников, а именно – византийские загадки и надписи X в., упоминающие племя Рос. Ранние политические взаимоотношения Руси и Византии упоминаются вскользь, Успенский сразу делает общие выводы о нарастании политической мощи Киевского государства на протяжении X в. и формировании русских отрядов в византийской армии, а также русских торговых поселений в Царьграде. Следует отметить также детальную источниковедческую критику русско-византийских договоров, в которых Ф. И. Успенский отмечает как безусловную документальность, так и погрешности, которые, как он полагает, были вызваны многократными

¹⁵ Институт располагался в зданиях легендарного Студийского монастыря, сыгравшего громадную роль в политической истории Византии.

переписываниями и изначально несовершенным переводом с греческого языка. В тексте Константина Багрянородного, посвящённом визиту Ольги, Успенский, уделяя первейшее внимание языковым тонкостям, также находит несколько странных деталей (указывающих на возможность существования военного аспекта визита, более никакими источниками не упоминаемого [20, с. 273]); тем не менее, он делает вывод о том, что визит имел торговую подоплёку, и предполагает, что бояре в свите княгини представляли каждый свои город или волость, желавшую заключить торговые отношения к греками [20, с. 275]. Впервые среди исследователей вопроса Успенский подвергает критике «Историю» Льва Диакона, говоря о его сведениях как о не заслуживающих большого доверия [20, с. 363]; в подтверждение русской летописной версии событий он приводит надпись на гробнице Никифора Фоки, опираясь, впрочем, не на конкретное описание событий, которого в ней нет, а на общее «настроение», которое, по его мнению, не соответствует «хвастливому» рассказу Льва Диакона. Тем не менее, дипломатическое положение Руси по итогам войны 970-971 гг. Ф. И. Успенский считает «полным крахом» [20, с. 370], а события конца X в. расценивает как окончательное «укрощение» Руси Византией [20, с. 408].

Более важным учёному кажется культурный аспект взаимодействия двух государств: Успенский говорит об имевшем место заимствовании государственных и религиозных традиций, при этом замечая, что Русь заимствовала «по преимуществу то, что соответствовало её собственным понятиям и вкусам» [20, с. 269]. Он абсолютно уверен в том, какое впечатление на Русь производили редкие соприкосновения с византийской культурой, и в том, что Византия была для них «недосягаемым» образцом для подражания. Крещение Руси учёный полностью отделяет от корсунского похода и прочих военных связей государств, воспринимая его как удовлетворение Русью её духовных потребностей через «самоотверженную» помощь Византии.

Таким образом, в ряде вопросов Ф. И. Успенский предложил совершенно новый для русской историографии подход: активное использование эпиграфических источников, смелый анализ многих событий, однообразно трактованных его коллегами и предшественниками и, в более широком смысле, последовательный провизантийский взгляд, положительная, даже восторженная оценка «воспитательного» [20, с. 409] влияния «культурной» Византии на «дикую» Русь, которое он считает важнейшим итогом взаимоотношений этих государств.

Велика в русской византистике роль работавшего в то же время В. Г. Васильевского. Он не писал общих трудов о русско-византийских связях, однако ввёл в научный оборот или привлёк внимание учёных к целому ряду источников:

1) Ал-Мекин и Иоанн Геометр. Два источника, рассмотренных в одной статье «К истории 976-986 годов» [2, с. 56-124], по мнению учёного, дополняют ранее известные данные о русско-византийских контактах конца X в. В частности, косвенные сведения ал-Мекина позволяют уточнить хронологию византийских гражданских войн и, соответственно, связать поражение царя Василия в 986 г. и пребывавшее почти тогда же посольство киевлян в Константинополе [2, с. 87-88]. Также на основании косвенных намёков, находимых в самых разных источниках, В. Г. Васильевский выдвигает гипотезу о личном присутствии Владимира в Константинополе во время апостасии 987-989 гг. Сочинения Иоанна Геометра Васильевский рассматривает как дополняющие картину войн Святослава.

2) Записка греческого топарха. Подробнейшая статья у В. Г. Васильевского посвящена этому документу, который он впервые перевёл на русский язык [2, с. 136-212]. Он почти безусловно связывает его с походами Святослава, что сыграло существенную роль в историографии русско-византийских отношений (стоит вспомнить хотя бы то внимание, которое оказал этому тексту исследователь дипломатии Святослава А.Н. Сахаров [17, с. 112-126]). Хотя в настоящее

время, до появления каких-либо уточняющих дополнительных сведений, точка зрения о том, что записка является подделкой, практически не вызывает сомнений¹⁶.

4. Заключение

Итак, отечественная историография русско-византийских отношений прошла долгий путь – от 1739 до 1917 годов. Существенными её достижениями за этот период стали: отход от фрагментарного, некритического пересказа летописной истории в сторону анализа; обратка большей часть доступной на тот момент источниковой базы, введение её в научный оборот; появление про-русской и про-византийской позиций – те или иные серьёзные учёные становились при анализе событийной канвы «на сторону» либо того, либо другого государства.

Тем не менее, нельзя не отметить, что обобщающих концепций, позволявших бы проследить развитие русско-византийских отношений или ответить на ключевые проблемы, связанные с трактовкой источников, за весь этот период почти не появилось. Точнее, несколько серьёзных концепций – а именно реконструкции А.А. Шахматова, А.Л. Бертье-Делагарда, В.З. Завитневича – коснулись единственного, хотя и важного вопроса крещения Владимира и похода на Херсон. Таким образом, из десяти основных проблем русско-византийских отношений IX-X вв., попытка сформулировать которые была представлена в начале данной работы, серьёзное научное решение было предложено по отношению лишь к одной – проблеме датировок и мотиваций обеих сторон в конфликте 987-990 гг. Косвенно была затронута и другая, касательно предшествовавших этому религиозных посольств, однако серьёзных выводов сделано не было – как не были факты о религиозных посольствах сопоставлены с более ранними, вроде посольства Ольги к епископу Адальберту, уже известные некоторым из историков рассматриваемого периода.

Кроме того, не была сформулирована общая концепция внешнеполитической стратегии Руси; взаимоотношения двух стран в целом всеми историками трактуются либо как стычки двух неразвитых или находящихся в упадке государств, либо как попытки культурной Византии повлиять на дикую Русь, либо как попытки становления Руси при некоторой непонятной роли соседа. Концепция византийской стратегии по отношению к Руси, впрочем, также осталась на стадии зарождения даже у выдающихся русских византистов этого периода.

Таким образом, период с XVIII по начало XX вв. в истории русской историографии русско-византийских отношений заложил фундамент для последующих исследований, однако оставил многие важные вопросы нерешёнными и не породил обобщающего труда по внешней политики ни одного из государств. Рассмотрению последующей историографии, развившей наследие историков от В.Н. Татищева до В.Г. Васильевского, будет в дальнейшем посвящена отдельная публикация.

Список использованной литературы

1. Бертье-Делагард А. Л. Как Владимир осаждал Корсунь // Известия Отделения русского языка и словесности. Т. 14. 1909.
2. Васильевский В. Г. Труды. Т. 2. Вып. 1. СПб, 1909.
3. Гримберг Ф. Алексей Толочко. «История Российская» Василия Татищева. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/km/2005/1/gri37.html> - (проверено: 31.08.11).
4. Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. 1. До початку XI в. Львів, 1904.

¹⁶ Гипотеза И. Шевченко, поддержанная И. П. Медведевым, представляющая записку (чей оригинал так и не найден) подделкой (на основании лингвистических и фактических, связанных с реалиями Византии, ошибок), пока никем убедительно не опровергнута. К тому же, по сути, сведения записки фрагментарны и неопределённые, и атрибуция её даже в случае её подлинности в пользу любого автора, географического места или исторического периода по сути никаких ценных сведений не даёт [21, с. 10-16].

5. Деяний церковных и гражданских, от рождества Христова до половины пятого на десять столетия. М., 1802.
6. Завитневичъ В. З. Владимиръ Святой какъ политическій деятель // Владимирский сборникъ въ память девятисотлетія крещенія Россіи. К., 1888.
7. Известия византийскихъ историковъ, объясняющія Россійскую исторію древнихъ временъ и переселенія народовъ. Собраны и хронологическимъ порядкомъ расположены И. Штриттеромъ. Ч. 1: О славянахъ; Ч. 2: О готфахъ, вандалахъ, гепидахъ, ерулахъ, уннахъ и о аваряхъ; Ч. 3: О россахъ и варягахъ; Ч. 4: О волгарахъ, влахахъ, хазарахъ, команыхъ, уцахъ, печенегахъ, венграхъ и о татарахъ. СПб., 1770-1775.
8. Истринъ В. М. Книги временья и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола въ древнемъ славянорусскомъ переводѣ. Текстъ, исследование и словарь. СПб., 1920-1922.
9. Карамзин Н.М. История государства Российского. Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/history/history1.htm> (проверено: 20.06.10).
10. Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. Т. 1: Курс русской истории, ч. 1. М., 1987.
11. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/history/kostomar/kostom01.htm> (проверено: 01.05.11).
12. Ломоносов М. В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава первого, или до 1054 года. Режим доступа: http://rusnauka.narod.ru/lib/author/lomonosov_m_v/3/ (проверено: 01.05.11).
13. Повесть Временных лет. Ч. 1. Текст и перевод / Подготовка текста: Д. С. Лихачев, пер.: Д. С. Лихачев, Б. А. Романов. М.- Л., 1950.
14. Полевой Н. А. История рускаго народа. Т. 1. М., 1829.
15. ПСРЛ. Т. 5. Софийская первая летопись. Л., 1925.
16. Рыбаков Б. А. В. Н. Татищев и летописи XII в. // История СССР, № 1, 1971.
17. Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1982.
18. Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/history/solov/solv01p0.htm> (проверено: 01.05.11).
19. Татищев В. Н. История Российская. Т. 1-2. М., 2003-2005.
20. Успенский Ф. И. История Византийской империи. Период Македонской династии (867-1057). М., 1997.
21. Хапаев В.В. К истории изучения так называемой «записки греческого топарха» // Культура народов Причерноморья. 2009. № 172. Т. 2.
22. Хилковъ А. Я. Ядро Россійской исторіи. М., 1770.
23. Шахматовъ А. А. Корсунская легенда о крещеніи Владиміра. СПб., 1906.
24. Шахматов А. А. Обзорение русские летописных сводов XIV-XVI вв. М.-Л., 1938.
25. Щербатовъ М. М. Исторія Россійская отъ древнейшихъ временъ. Томъ 1. Отъ начала до кончины великаго Князя Ярослава Владимировича. СПб., 1770.

Summary

Given article gives a historiographic overview of studying of Rus-Byzantine relations of IX-X century by the Russian researchers. This was the phase of the relations when they had started and came a long way from military conflicts to the developed diplomatic system. Overview is devoted to the time from XVIII to the early XX century. In the colclusion, author sums up that in spite of all the big progress in historical analysis of Rus-Byzantine relations, many questions which follow from the reading all the resources in comparison remained unsolved. Consistent conception of the foreign policy of both states was also not formed.